

Этот рассвет пришел как и раньше, точь в точь, словно прилежный и старательный офицер, заступающий на новую вахту. Старые, выцветшие до невнятно-серого цвета глаза по-прежнему остро вглядывались в горизонт, по привычке щурясь от ярких лучей, стараясь уловить тот единственный миг, когда край великолепного солнца вот-вот должен был показаться из-за края земли – и поприветствовать старого капитана вспышкой изумрудно-зеленого цвета. Краткий, почти неуловимый невооруженным глазом, зеленый луч был тем путеводным маяком, что встречал его долгие годы, и в бытность его юным мичманом¹, и в зрелом возрасте, во время встречи очередного рассвета на мостице тяжелого, неповоротливого доминатора, когда просыпавшийся воздух еще неуловимо ночью свежестью, каплями утренней росы оседавшей на броне покорителя небес. Вот и теперь зеленая вспышка, краткая и красноречивая, словно воинское приветствие, заставила его прикоснуться копытом к козырьку капитанской фуражки, приветствуя старого друга.

Город уже не спал. Казалось, прошло всего несколько часов тишины, когда просыпающаяся природа еще кутается в легкую вуаль молочно-белого тумана, рваными ключьями падавшего с головокружительной высоты раздвигавшихся улиц, следовавших за неспешно расползшимися по своим местам городскими кварталами, а площадка перед военно-воздушным музеем начала наполняться новыми посетителями, спешащими первыми, без суеты, насладиться погожим деньком, бродя по ажурным мосткам, перекинутым между платформами с экспонатами. Скоро, очень скоро их заполнят неугомонные туристы, изо всех краев, изо всех окружающих стран стремящиеся в самый необычный, самый экзотический, самый первый из небесных городов земнопони, чтобы поглазеть на летающие дома, кварталы и целые городские районы, солидно покачивающиеся в летнем воздухе над изумрудными лугами, расчерченными блестящими нитями железных дорог, и пощелкать своими камерами-тингтайпами², чьи ребристые кожухи-гармошки на раздвигающихся объективах напоминали старику неведомые медицинские приборы. Экскурсоводы с укрепленными на спинах табличками уже собирали свои группы, строгими голосами требуя не расходиться, и не трогать самые хрупкие экспонаты, словно те могли развалиться от простых прикосновений копыт. Непоседливые жеребята, словно заведенные, носились между ног взрослых, с радостными криками запрыгивая на длинные и узкие крылья высотного разведчика, и карабкались в узкие креслица операторов гимбалоидов, чьи узкие круглые рамки, способные вращаться независимо друг от друга, легко сдвигались даже под небольшим весом их маленьких тел. Каждый, как дети, так и многие взрослые носили поверх одежды пояса и целые шлейки с резными украшениями из дерева в виде замысловатых грифоных рун – гражданские стандарты безопасности предписывали всем без исключения бескрылым пони иметь при себе Одуванчиковую Подушку на случай падения с высоты, при посещении расположенных в небе объектов. Кто-то скрывал их, кто-то наоборот, украшал – но все надевали, не осмеливаясь протестовать под внимательными взглядами поницейских,

---

¹ Это звание присваивается курсантам военно-морского и военно-воздушного колледжа Небесного Города.

² Новейшее изобретение мастеров Грифоных Королевств, позволяющее навечно сохранить изображение на тонкой жестяной пластинке, и не требующее походной лаборатории для подготовки стекол, или проявки древней и недолговечной целлULOИДной пленки.

встречавших посетителей выставки и музея. Их фигуры, с приветливым видом прохаживающиеся среди толпы, виднелись везде, и лишь широкая платформа у главного экспоната не часто становилась объектом их интереса, давая старику возможность побывать одному, наедине с самим собой – и первой любовью всей его долгой жизни.

Да, лишь здесь, на самой дальней скамейке, под раскидистым сиреневым кустом, он мог признаться самому себе, что именно она была самой главной в его жизни. «Око Бури» - тридцать тысяч гросс-тонн стали, пара и яростной мощи, сосредоточенной когда-то в его копытах. Ощущение могущества, которое невозможно передать. Сила, которую невозможно забыть. Даже теперь, сидя на самой дальней и неприметной скамейке, под лучами утреннего солнца, он с удовольствием разглядывал ее цилиндрическое, сигарообразное тело, чья приятная глазу сглаженность соседствовала с прямыми линиями рубленных форм верхних и нижних палуб, бугрящихся надстройками, трубами – и шестью огромными башнями, грозно глядевшими на окружающий мир двенадцатью четырнадцатидюймовыми орудиями. Выкрашенная в темно-серый цвет, она казалась памятником самой себе – пугающей, загадочной, грозной.

Бессильной.

Наверное, именно такие мысли посещали тех, кто впервые видел огромного стального монстра, прикованного к платформе музея. Поставленного на вечный прикол, прерывающийся лишь для парадов да долгих прогулок правительницы, любившей пощеголять этим боевым зверем из древних времен, словно прирученным монстром, призванным щекотать воображение и нервы гостей, задавая нужное направление и тон разговорам. Не по-стариковски зоркие глаза Клатча Нойза уже отыскали в толпе нескольких атташе разных стран, бросавшихся в глаза словно облако-бакен благодаря своей выпрявке и внимательно-острому взгляду, скользившему по экспонатам музея – единственному в мире, в котором были собраны не макеты, а полностью действующие, побывавшие в боях образцы.

- «Пойдем, пойдем быстрее!» - кричала стайка подростков, спеша присоединиться к очередной группе туристов, отдуваясь, вскарабкавшихся по широким лестницам с нижних ярусов музейного комплекса – «Ты посмотри, какой старый корабль!».

- «Господа и дамы, прошу чуточку вашего внимания!» - пронзительный голос экскурсовода заставил его встрепенуться, пройдясь по нервам не хуже порыва северных ветров. Вынужденные говорить внятно и громко, эти грифоны и пони приобретали какой-то нездоровыи апломб, а в довесок и неприятный, неестественный менторский голос, которым выдавали рубленные обрывки заученных текстов, рассказывая про каждый встреченный экспонат – «Наконец, мы достигли последнего, и самого важного экспоната этого музея – королевской яхты, носящей название «Око Бури». Бывшее когда-то флагманом военно-воздушного флота Небесного Города, теперь это судно является флаг-яхтой династии, правящей городом-государством, и участвует в парадах, посвященных различным историческим событиям, произошедшим в жизни молодого государства».

Когда-то Клатч Нойз ревниво прислушивался к этим словам. Искал несоответствия, пытался спорить, и однажды даже сам попытался собрать свою группу, чтобы рассказать о славных днях древнего корабля – и не смог, быстро заметив недоумение и насмешку в глазах посетителей, снисходительно внимавших распинавшемуся перед

ними ветерану. «Это же судно-музей. Какое у него может быть предназначение, кроме как развлекать скучающих путешественников?» - был их единодушный вердикт – «Орудия заглушены, замки их сняты³, и дреевний ужас стоит на вечном приколе. Пусть болтает о мрачных временах междуусобиц аликорнов – все знают, что время милитаристов прошло».

- «Согласно доктрине, господствовавшей в умах военных времен постройки этого воздушного судна, основной ударной мощью являлись орудия, а небесный корабль был лишь средством их доставки на театр военных действий. Как мы можем убедиться, с огневой мощью у «Ока» все было в порядке, и ее двенадцать четырнадцати дюймовых орудий превосходно показали себя во многих битвах, даже несмотря на предполагаемое технологическое и моральное устаревание – особенно по сравнению с орудиями восточной империи, с которыми пришлось столкнуться этому кораблю».

«Да уж, пришлось» - вздохнув, подумал капитан, придиличивым взглядом скользя по громадным металлическим хоботам, грозно торчавшим из башен флаг-яхты. По две на каждом борту, и по одной на носу и корме, они обеспечивали довольно неплохие сектора обстрела, пусть даже и не были способны выдать полный залп из всех орудий из-за причудливого расположения башен, в нормальном положении даже не способных вести огонь по земле, подобно тем же доминаторам. Впрочем, это нисколько не помогло ажурным парусным кораблям Кристальной империи, раз за разом получавшим горячие подарочки, выплевываемые шестью стволами его малыши, на самом полном ходу. Древние, как экскременты эпохи Раздора, флогистонные пушки ревели как зубры на случке, заставляя убираться подальше как случайных наблюдателей, оказавшихся в зоне действия ударной волны, сообщаемой воздуху каждым их выстрелом, так и любого незадачливого члена экипажа, решившего выйти на палубу без надлежащей защиты ушей. В отличие от пара и воздуха, жутчайший алхимический состав, закачиваемый нагнетателями в каморы под высоким давлением, предоставлял очень мало возможностей контролировать дальность, траекторию и силу выстрелов. Но уж если выстрел произошел... Это был Глас Богинь, неудержимый в своем гневе, и сущий погибель всем, кто не спрятался и не убежал – «Но даже сейчас я помню отдачу соеменных залпов, заставлявшую содрогаться все стальное тело нашей красавицы, а на малом ходу даже останавливавших ее, и способных отбросить назад. Но как же кричали мы тогда, в едином порыве восторга, когда на наших глазах флагман этих кристальных зазнаек начал разваливаться на куски! Не помогли ему ни маневренность, ни скорость, ни магические вуалевые паруса. Не помогли и энергомагические орудия, терзавшие нашу броню из-под прикрывающих крейсер магических щитов. Мы пришли – и втоптали их во прах».

- «Какие большие пушки» - задумчиво пробормотала стоящая неподалеку юная дама. Судя по узкой, вытянутой головке, украшенной симпатичным хохолком, она была родом из южной части Грифоньих Королевств, и откровенно скучала при виде грубых машин, поэтому брошенная вскользь фраза явно предназначалась стоявшей рядом с

---

³ Простое механомагическое устройство-воспламенитель, дающее возможность использовать орудия артиллеристам-пегасам и земнопони, не прибегая к услугам единорогов.

ней группе туристов, среди которых виднелось несколько симпатичных жеребцов и кобыл.

- «О, неужели вы не слышали, мисс?» - достаточно неестественно удивился молодой атташе военно-воздушных сил Кристальной Империи. Его небесно-голубой мундир с розовой окантовкой не оставлял сомнений в его принадлежности – как и блестящая шерсть, похожая на стекло, волшебным образом обретшее вдруг мягкость, гибкость и особенный блеск, завораживающее действующий на представителей любого вида и пола – «Эти новости уже давно обсуждают весь мир. Еще несколько лет назад наша империя успешно и убедительно испытала «лучи смерти», и теперь все это оружие, которое выставлено здесь напоказ, можно отправить на свалку».

- «Как же так?!» - так же притворно изумилась хорошенъкая грифонка. Груды металла красавицу явно не волновали, а вот симпатичный и перспективный офицер из далекой страны вполне подходил под определение «достойной добычи», и для того, чтобы заполучить себе нового ухажера, которым не стыдно похвастаться даже в модных салонах Эквестрии, она была готова выслушивать все, что угодно – «Какие ужасные, должно быть, это лучи!».

- «Испепеляющие, внушающие страх «лучи смерти», мисс».

- «Но разве с ними не справляются самые большие суда?».

- «Конечно же нет, мисс» - пренебрежительно поморщился офицер, бросив взгляд на темные точки, россыпь которых плыла в голубой вышине. Поймав копытом указывающую на них лапу грифонки, он куртуазно приложился к ней, заставив свою знакомую взорванно покраснеть – «Слава доминаторов этого города заметно преувеличена, в чем мы, несомненно, сможем убедиться во время завтрашнего парада, а после введения в строй нового флагмана империи, «Ее Высочество Ми Аморе Каденза Кристальная», их боевая ценность вообще перейдет в разряд гипотетической».

- «Ах, этого просто не может быть!».

- «Вот, послушайте, что я вам расскажу...».

- «Обратите, пожалуйста, внимание на дым, выходящий из труб на верхней палубе. Для тех, кто не знает, спешу сообщить, что палубы на воздушных судах нумеруются начиная с первой, расположенной сверху, и далее – вглубь корабля, до центральной. Точно так же, но уже с отрицательным знаком, нумеруются палубы, расположенные внизу – от минус первой, и до центральной. Кстати, там же расположены еще несколько труб, дым из которых отводится от музейной платформы специальными дымоуловителями» - перебив беседующую парочку, затараторила экскурсовод, неодобрительно покосившись на отвлекшихся посетителей – «Похоже, что нам повезло, и желающие смогут остаться, чтобы понаблюдать за плановыми ходовыми испытаниями движителя этого корабля. Когда-то в движение его приводили сначала угольные, а затем и теплородные паровые машины тройного расширения, вращавшие четыре деревянных винта, но около шестидесяти лет назад их сменил трехрядный винтовентиляторный движитель со ступенями, врачающимися в противоположных направлениях, питающийся от паровой турбины. Лопасти саблевидной формы обеспечивают яхте хорошие динамические характеристики, разгоняя ее до двадцати четырех узлов, что на десять узлов больше, чем до модернизации, что послужило оправданием для инициированного парламентом расследования по поводу нецелевого расходования бюджетных средств. Последний раз ремонт двигательной установки

проводился много лет назад, и земнопони Сталлионграда могут по праву гордиться созданной ими надежной и долговечной машиной».

«Шестьдесят лет назад на нее поставили лишь паровую турбину. А вот винты заменили лет тридцать тому как» - лениво подумал капитан, краем глаза заметив движение где-то возле кормы. Ему не нужно было вскакивать и бежать, как прочим туристам, чтобы представить себе, как начинает вращаться длинный, массивный кок⁴ с установленным на нем блоком вентиляторов⁵, каждый из которых вначале медленно и неторопливо, а затем все быстрее и быстрее, месит воздух изогнутыми лопастями. Как чинно и неторопливо наползает на ревущие винты бронированный обтекатель, укрывая их от летящих снарядов и энергомагических лучей. Точно такие же, но стационарные, полые цилиндрические обтекатели защищали четыре массивных винта, доставшиеся «Оку» от предыдущего движителя. Наследие паровых машин сдвинули чуть ближе к кормовым отсекам, освобождая место для центральной вентиляторной группы, и вот уже двадцать лет как использовали для маневрирования благодаря кардинальной переделке, и установке двухрядных винтов изменяемого шага. Шум, конечно, все эти устройства создавали невообразимый, и Нойз похмыкал, вспоминая, как часто были вынуждены они красться на дополнительных движителях, чтобы скрытно вывалиться из облачной пелены в составе Первой ударной авиа группы, и пробив слой туч, запустить основные винты, грубым, вызывающим своим ревом предупреждавших противника о приближении скорого возмездия – «Помню, помню как юным мичманом я застал на нашей красавице паровые машины. Их хвалят за надежность и неприхотливость, забывая при этом про труд кочегаров, поддерживавших давление пара, следивших за водой и углем. При этом доминатор старой серии, да на полном ходу, лопает не менее трехсот гросс-регистровых тонн угля в час, запас которого на корабле составляет шесть-восемь тысяч тонн, забрасывать в топки которые приходилось, да и приходится, палубным и кочегарам. До переделки движителей под теплород, уже через восемь-девять часов приходилось переходить на экономичный ход, ведь в машинных отделениях уже нечем было дышать, а в раскаленном воздухе плавала густая взвесь из масла и воды, разбрызгиваемой для охлаждения и осаждения взрывоопасной угольной пыли. Жирная угольно-масляная грязь скапливалась на мостках, вонючей коркой оседая на котлах и паропроводах, проникала в легкие, выедала глаза, делая труд воздухоплавателей почти невозможным – и именно поэтому принцесса, год за годом, как могла выбивала из парламента ассигнования для переоборудования всех имеющихся военных судов. Эх, и почему некоторым необходимость в этом становится понятной лишь тогда, когда они лично попадают на бункеровку⁶, или маскают тяжелую тачку в темном чреве несущегося куда-то доминатора,

⁴ Кок (от новогрифоньего «ле кокон» – оболочка) – обтекатель воздушного винта, прикрывающий вал, на котором тот установлен.

⁵ Новое, прогрессивное направление развития воздушных винтов, конструктивно и визуально похожих на крыльчатки самых обычных бытовых вентиляторов.

Изобретателем считается сталлионградское конструкторское бюро «ВозМаш».

⁶ Увлекательнейшее занятие для команды воздушного судна. Разгрузить пришедший угольщик, лапами и копытами сложить уголь в мешки, протолкнуть мешки сквозь узкие топливоприемные люки, чтобы потом, разнеся его по отсекам, вновь высипать в угольные бункеры. Повторять до того, как закончатся все пять или семь тысяч тонн.

поминутно рискуя обвариться паром, или обжечься вырывающимся из топок огнем?».

- «Как громко!» - возмутилась важная пони. Судя по говору и модной шляпке, идеально подходящей под цвет легкой летней попонки, ранним утром сошедшая с парсера⁷ Кантерлот-Майнхеттен – «Не удивительно, что судам этого города запрещено появляться в небе цивилизованных стран!».

- «Поэтому-то эту воздушную шхуну и называют «Ревущей Коровой», как я полагаю» - иронично вздернул бровь лучащийся светом пони. Казалось, стрелки на его отраженном мундире заострились еще больше при взгляде на нарядную путешественницу, снисходительно оглядывавшую окружающий мир поверх модных затемненных очков – «Вообще, я принципиально не понимаю тягу местного сброва к нелепой опасности. Разве они не понимают, что внутри этой туши находятся Дискорд знает сколько галлонов безумно огне и взрывоопасного алхимического вещества? Они буквально летают на бочке флогистона, размахивая вокруг зажженным фитилем!».

- «Что-о?!» - поперхнулась знатная дама, с тревогой оглянувшись вокруг. Возле нее тотчас же нарисовалась пара поджарых пегасов, усыпанные латунными элементами одежда которых посверкивала готовыми к немедленной активации охранными чарами и камнями – «Но как же так? Ведь есть же общепринятые стандарты безопасности...».

- «Пожалуйста, не волнуйтесь!» - как можно более авторитетным голосом заявила экскурсовод, тщательно скрывая волнение, с которым она вглядывалась в группу окружающих ее туристов. Кристальные пони, пегасы и единороги, все как один, осуждающе кивали и перешептывались, с недоверием поглядывая на темно-серый корабль, заглушивший свой главный двигатель, и тихо урчащий вспомогательными пропеллерами – «Нет никакой причины для страха и паники! Все экспонаты музея были проверены, законсервированы, и уже долгое время принимают посетителей, поэтому нет нужды опасаться каких-либо взрывоопасных веществ. «Око Бури» уже закончила свой славный и грозный век в качестве флагмана флота, и теперь является флаг-яхтой Ее Высочества. На ней служит самый опытный экипаж, орудия нейтрализованы, оставлены лишь паровые машины, и какие-либо инциденты абсолютно исключены».

«Конечно исключены. Но кое в чем вы были правы, мисс – здесь служит самый опытный экипаж. А все потому...» - фыркнув, подумал Клатч Нойз. Осторожно поднявшись с любимой лавочки, он на секунду остановился, ощущив, как тревожно кольнуло под сердцем, слегка закружилась голова, и на секунду помутнело в глазах. Годы были уже не те, чтобы как встарь, носиться по узким лесенкам между отсеками; или, материясь, вместе с десятком палубных, шипящих, словно пожарные шланги, тащить на спине огромный кристалл с центральной на первую палубу, проклиная так не вовремя заклинивший подъемник боеприпасов центральной орудийной башни. Годы брали свое, но он пересилил себя, и осторожно переставляя вдруг ослабевшие ноги, решительно двинулся в сторону широкого трапа, словно мост древней крепости, соединявший с платформой пузатую тушу стального кита, гревшего на солнышке бронированную свою шкуру. Лишь приблизившись к ней – к той, которой он отдал семьдесят лет своей жизни, он даже не увидел, а просто почувствовал, каким же огромным был этот броненосный рейдер, гроза воздушных путей. Старику показалось,

⁷ Парсер – быстрый и комфортабельный пассажирский цеппель, в отличие от клиппера, не предназначенный для перевозки грузов.

что он возвратился в прошлое, в беззаботную молодость, и как в первый раз, разглядывал серую громаду, словно неведомого зверя, выброшенного прибоем на берег. Ноги сами несли его к трапу, лишенного положенных надписей и девизов, украшенного лишь незамысловатым символом – солнцем со вписанной в него луной, в обрамлении широко раскинутых железных крыльев, красовавшимся когда-то у него на груди.

«О, как неправы вы были, начитанная госпожа» - подумал Клатч Нойз, когда копыто его, дрогнув от волнения, коснулось палубы корабля. Темнело, и доски из лучшей лиственницы – не гниющей, не ломающейся, а лишь твердеющей с годами, как и он сам, отзывались тихим гулом, словно приветствуя своего капитана. Корабль помнил его шаги, и окутывал, словно саваном, возвращавшегося скитальца мягким шипением пара, дрожью работающих машин и утробным пыхтением труб. Восторженно блестя глазами, палубные отдали ему честь, и в полном молчании принялись сбрасывать сходни, словно готовясь к отплытию, пока он направлялся на бак⁸, где клиновидный нос судна так часто резал непокорный воздух, противостоя свирепым ветрам – «Ничто еще не закончилось. Пусть желающие смотрят на нас, полагая «Око Бури» поверженным левиафаном, которым приятно и волнующе любоваться, словно чучелом опасного зверя. Пускай! Пускай атташе строчат свои рапорты и коммюнике, убеждая, что победили, и приструнили опасного зверя. Только они не подозревают, что зверь этот спит, чутко поводя беспокойными ушами антенн криптовизоров, прощупывая самый воздух решетками аусспексов, и полностью, в любое время дня и ночи, готов к беспощадному бою. Уходя, я долго беседовал со своим приемником, оставив ему строгий наказ, и теперь вижу, что все это было не зря, и однажды, в торжественный и грозный день, вновь взревут винты и вентиляторы «Ока Бури», на ужас дрожащим врагам!».

Скупо улыбнувшись столь горячечной речи, вполне годившейся для не самого плохого парада, старики ускорил свой шаг. С каждым ударом копыта он вспоминал свои молодые годы, свою семью и друзей, но затмевая все, грозным знаменем поднимались в душе воспоминания о боях и походах, о скрытных рейдах в далекие страны, и выматывающее душу стояние над Кантерлотом, когда флотилия восточной империи приготовилась вцепиться им в холку и хвост. Вспоминал победы и поражения, живых сослуживцев и павших друзей. Вспоминал...

Вспоминал ее – такой, какой увидел однажды на мостице. Какой видел сейчас, купающуюся в потоках лунного света, чей профиль на фоне полной луны словно восставал из молочной реки. Оглянувшись, Клатч Нойз вдруг заметил, что на носовой оконечности судна собрался почти весь экипаж. Больше тысячи пони выстроились шеренгами, как на параде, оставив свободной лишь одну-единственную дорогу – на нос, прямо к той, что терпеливо ждала его под мерцающим светом звезд.

«Откуда здесь столько звезд?» - подумал старики, глядываясь в знакомые черты. Ожидавшая его приветливо улыбнулась, заставив ответить по-стариковски ехидной ухмылкой – словно бы он и не видел, как эти мягкие губы сжимались в едва заметную скорбную линию, или выплевывали со скоростью разогнавшегося паромета заряды из

---

⁸ Нос корабля, по терминологии мореплавателей. Конечно, воздухоплавательные аппараты уже давно не напоминают те утлыя посудины с парусами, на которых так любят болтаться в воде мореманы – но романтики всегда в душе немного моряки, если вы понимаете, о чем идет речь.

фраз, заставивших бы грохнуться в обморок не одного заслуженного боцмана военно-морского и торгового флота. Шагнув вперед, он внезапно остановился, вглядываясь в знакомую рыжую морду, воинственно выпятившую подбородок с лохматой, плохо вычесанной бородой – «*Погоди-ка... Стирап! Ты тоже тут, старый хрыч? А говорили, что помер. Ведь я сам...*».

Тишина. Только мерно, гулко, уютно бьется сердце огромного корабля.

«*Я ведь сам нес гроб с твоим телом. Мы вышли тогда в открытое небо – и отпустили его в твой последний полет*» - подумал Нойз, вглядываясь в облик пегаса. В такого, каким он запомнил его – молодым бунтарем, драчуном, пьяницей и дебоширом. В смелого рыжего пегаса, стоящего посреди залитого дымом и пламенем контрольно-дальномерного поста, громким голосом, ломающимся от ожогов, считающимся показания приборов наведения, которые с так ждали на мостике. В умудренного опытом и убеленного ранней сединой боцмана «Ока Бури», грозного капитана абордажных команд, в сиянии амулетов несущегося к вражескому супер-хантеру, раскинувшему на полнеба вуалевые паруса. Оглянувшись поверх знакомых голов, он заметил, что на темной платформе музея, вокруг скамейки с одиноким фонарем, собралась небольшая толпа – «*Так значит... Время пришло?*».

Звезды позванивали, глядя с небес на капитана древнего судна, медленно, гордо идущего по палубе своего корабля. Не было ни скорби, ни страха – лишь всеобъемлющая умиротворенность, рожденная тихой мелодией, лившейся с небес. Мерцающий свет ложился на легкую дымку, затягивавшую гавань, окруженную летающими домами города в небесах, превращаясь в серебряную тропинку – как давно, во время бессонных вахт, он мечтал, что однажды пройдет по ней до конца! И еще ярче мерцали глаза той, что всегда была с ними, провожая каждого из них до конца. Мягкие губы сложились в чарующую улыбку – мягкую, слегка печальную, но еще ярче блестели ее глаза, когда идеальное крыло поправило сбившуюся фуражку на голове старика, сделав приглашающий жест в сторону мостика.

«*Ну что же – вот и пришла пора*» - подумал старик, ощущая, как расправляются плечи, растягивая ставший когда-то великоватым парадный китель. Как щекочет шкуру бородка, трепеща на легком ветру. Как ласково урчит под ногами огромное чудо, созданное ими из стали, огня, собственной крови и многих надежд. Как в едином порыве отдают ему честь все те, с кем он прожил эту яркую, огненную жизнь, полную подвигов и свершений. Негромко зашумев лопастями, корабль отчалил от пристани, и под испуганными, недоуменными и восхищенными взглядами тех, кто остался на платформе, двинулся в путь – по белоснежной дорожке из лунного света, унося в последний полет своего старого капитана.

«*Что ж, посмотрим, что же лежит в конце этой звездной тропы*».